

Зависимое поведение всегда было одной из социально значимых проблем как в РБ, так и во всем мире. В последние годы проблема аддиктивного поведения заметно обострилась и из-за увеличения количества химических зависимостей, таких как игровая зависимость, интернет-зависимость. Зависимое поведение всегда является заместительным образом жизни, ограничивающим человека, препятствующим личностному развитию.

Теория современной аддиктологии объясняет формирование зависимости биопсихосоциальным подходом [1, 3, 5]. Возможность генетической предрасположенности к развитию нарушений, обусловленных злоупотреблением алкоголем, послужила предметом многих исследований, результаты которых показали, что как минимум у одной трети респондентов, страдающих алкоголизмом, проблемы с алкоголем имелись хотя бы у одного из родителей [3, 5]. Вторым немаловажным фактором, влияющим на развитие зависимости, является социальное воздействие. Несостоятельность родительского воспитания, неблагоприятные бытовые условия, неоправданные социальные стереотипы влияют на формирование дезадаптивных форм поведения в будущем. Многие исследователи зависимого поведения отводят большую роль личностным особенностям, predisposing к формированию аддикции [1, 3, 5]. Сложность исследования психологического фактора заключается в том, что индивидуальные черты, которые были выявлены постфактум, могут быть как причиной, так и следствием зависимости. Однако актуальность и необходимость изучения у аддиктов индивидуально-психологических особенностей определяется их значительным влиянием на адаптацию к среде и на социальное функционирование в целом.

Цель работы — выявление значимых Я-центральных функций у пациентов с аддиктивным поведением.

Задача: охарактеризовать личностные особенности зависимых индивидов.

В качестве метода исследования использовался Я-структурный тест Аммона (адаптация Психоневрологического института им. Бехтерева). Я-структурный тест Аммона является психоаналитической тестовой методикой, позволяющей целостно оценить структуру личности в совокупности ее здоровых и патологически измененных аспектов. В ходе психодиагностического исследования с помощью данного теста исследуются центральные бессознательные функции, которые обеспечивают сохранение и развитие идентичности. К основным Я-центральному функциям, которые исследуются с помощью теста Аммона, относятся агрессия, страх, внутреннее Я-ограничение, внешнее Я-ограничение, нарциссизм и сексуальность. Данные функции могут отражать конструктивный, деструктивный и дефицитарный характер Я-идентичности.

В исследовании приняли участие 72 пациента, имеющие зависимые формы поведения. Из них 44 пациентам (61%) был выставлен диагноз «синдром зависимости от алкоголя» (F10.2), 15 пациентам (21%) — «синдром зависимости от опиоидов» (F11.2) и 13 пациентам (18%) — «патологическая склонность к азартным играм». Возраст испытуемых — от 23 до 61 года, из них 54 мужчины и 18 женщин. Пациенты с синдромом зависимости от психоактивных веществ находились на лечении в отделении реабилитации зависимых, а пациенты со склонностью к азартным играм — в отделении пограничных состояний УЗ «Гродненский областной клинический центр "Психиатрия-наркология"». Данные пациенты составили экспериментальную группу (1-я группа). Для сравнительного анализа была набрана также группа сравнения (2-я группа), критерием формирования которой явилось отсутствие каких-либо психических и поведенческих расстройств. Группу составили 70 человек: 45 мужчин и 25 женщин.

Результаты и их обсуждение. До интерпретации полученных результатов была определена частота пиков по шкалам в каждой из групп. Под пиками подразумеваются шкалы, которые возвышаются над двумя соседними. Затем с помощью критерия Манна–Уитни были выделены те структурные функции, которые имели достоверные межгрупповые различия ($p < 0,05$). Как показал сравнительный анализ, пациенты, имеющие зависимые формы поведения (1-я группа), достоверно отличаются от испытуемых 2-й группы повышенной частотой пиков профиля по шкалам дефицитарного нарциссизма (46 и 18% соответственно), дефицитарного внешнего Я-ограничения (37 и 9% соответственно) и деструктивного страха (28 и 4% соответственно). Следует отметить, что пики по выделенным шкалам образовывались как за счет высоких значений Т-баллов, так и значений, не выходящих за рамки нормативных. Исходя из этого, анализ шкал, по которым пики достоверно чаще встречаются у лиц с аддиктивным поведением, дает возможность выделить общие тенденции в Я-идентичности данной группы пациентов.

Подъем профиля по шкале дефицитарного нарциссизма у аддиктивных пациентов говорит о неспособности воспринимать ими неповторимость и единственность собственного существования, придавать значение

своим желаниям, целям, мотивам и поступкам, отстаивать собственные интересы и иметь самостоятельные взгляды, мнения и точки зрения. В поведении дефицитарный нарциссизм проявляется низкой самооценкой, выраженной зависимостью от окружающих, невозможностью устанавливать и поддерживать полноценные межличностные контакты и отношения без ущерба своим интересам, потребностям, жизненным планам [2, 4].

Испытуемые, имеющие пики по шкале дефицитарного внешнего Я-отграничения, характеризуются отсутствием возможности в достаточной степени рефлексировать, отслеживать и отстаивать собственные интересы, а также неспособностью четко отделять свои чувства и переживания от чувств и переживаний других, невозможностью ограничивать потребности других. Для них свойственны сомнения в правильности самостоятельно принимаемых решений и предпринимаемых действий [2, 4].

Для лиц, имеющих деструктивный характер страха, присущи повышенная тревожность, склонность к беспокойству и волнениям даже по самым незначительным поводам, трудности в организации собственной активности, частое ощущение недостаточности контроля над ситуацией, нерешительность, робость, стеснительность, аспонтанность, выраженность вегетативных симптомов тревоги (потливость, головокружение, учащенное сердцебиение и т. д.) [2, 4].

Затем в ходе интерпретации полученных данных изучалась частота ведущих центральных Я-функций, которые принимали высокие значения (70 и более), а также шкалы, по которым определялись низкие значения Т-баллов (30 и менее). Сравнительная оценка выявила достоверные межгрупповые различия по шкале дефицитарного внешнего Я-отграничения. В 1-й группе высокие значения по данной шкале установлены в 17% случаев, в то время как у пациентов 2-й группы высоких значений не обнаружено. Высокие показатели по данной шкале характерны для лиц послушных, зависимых, конформных, несамостоятельных, ищущих постоянную поддержку и одобрение, защиту и признание, обычно жестко ориентированных на групповые нормы и ценности, идентифицирующих себя с групповыми интересами и потребностями, а потому не способных сформировать собственную, отличную от других точку зрения. Эти люди склонны к симбиотическому слиянию, а не равноправным зрелым партнерским отношениям, и в связи с этим они, как правило, испытывают значительные трудности в поддержании устойчивых продуктивных контактов. Типичным для них является ощущение собственной слабости, открытости, беспомощности и незащищенности [2, 4].

При анализе полученных данных также обращает на себя внимание процент испытуемых 1-й группы (42%), имеющих низкие показатели по шкале конструктивной агрессии, что достоверно отличается от частоты встречаемости низких показателей по данной шкале у пациентов без аддиктивных форм поведения (11%). Испытуемые, имеющие низкие значения по шкале конструктивной агрессии, склонны к избеганию каких-либо конфронтаций вследствие страха разрыва симбиотических отношений или из-за отсутствия необходимых навыков в разрешении конфликтов. Для них характерна также неразвитая способность к адекватному реагированию на эмоциональные переживания в межличностных ситуациях.

Рекомендации: на основании изучения психологических характеристик возможна разработка психокоррекционных программ помощи людям с зависимым поведением, направленных на выработку более адаптивных форм поведения.

Заключение. Я-идентичность пациентов с аддиктивными формами поведения во многом характеризуется дефицитарным характером ведущих Я-центральных функций. Это свидетельствует о низкой дифференциации и недоразвитии психических функций, что резко снижает интенсивность динамических межличностных взаимодействий и адаптационные ресурсы. Таким образом, данные, представленные выше, свидетельствуют о том, что пациенты с аддиктивными формами поведения отличаются несформированными границами Я и не-Я, чрезмерно конформным стилем межличностного взаимодействия, отсутствием четкого представления о своих возможностях и потребностях, нерешительностью в принятии решений, бедностью эмоциональных переживаний. Их взаимоотношения с окружающей средой определяются страхом разрыва зависимых отношений, которые необходимы для сохранения ощущения предсказуемости и стабильности.

SELF-CENTRAL FUNCTIONS IN PATIENTS WITH ADDICTIVE BEHAVIOR

A.V. Voronets, S.A. Buzuk

Present article is devoted to socially relevant problem of addictive behavior. The aim of this study was to identify meaningful Self-central functions in patients with addictive behavior. Methods of research — Self-structural Ammon test. The experimental group consisted of patients with dependent behavior. As result of research the leading Self-central function of patients with addiction were identified which include deficiencial narcissism, deficiencial external self-limiting and destructive fear.

Литература

1. Егоров, А.Ю. Расстройства поведения у подростков: клинико-психологические аспекты / А.Ю. Егоров, С.А. Игумнов. — СПб.: Речь, 2005. — 436 с.

2. Кабанов, М.М. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / М.М. Кабанов; под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. — СПб.: Ин-т им. В.М. Бехтерева, 2003. — 438 с.
3. Копытин, А.И. Арт-терапия — новые горизонты / А.И. Копытин. — М.: Когито-центр, 2006. — 336 с.
4. Тупицин, Ю.Я. Опросник для оценки центральных личностных функций на структурном уровне: пособие для психологов и врачей / Ю.Я. Тупицин, В.В. Бочаров, Т.В. Алхазова. — СПб., 1998. — 70 с.
5. Старшенбаум, Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей / Г.В. Старшенбаум. — М.: Когито-центр, 2006. — 367 с.